

Римская имперія въ эпоху паденія.

Географическіе предѣлы Римской имперіи.—Постепенное возникновеніе монархической власти.—Диоклетіанъ.—Константиновская система управленія—Строй центральной и областной администраціи.—Отдѣленіе военнаго и гражданскаго управленія.—Причины паденія Римской имперіи: финансовый и экономическій бытъ имперіи, упадокъ крупнаго землевладѣнія, исчезновеніе мелкой собственности

Къ началу эпохи великаго переселенія народовъ, т. е. къ послѣднимъ десятилѣтіямъ IV-го вѣка римская имперія продолжала существовать въ тѣхъ географическихъ предѣлахъ, въ какіе она была поставлена завоевательными стремленіями предшествовавшихъ вѣковъ. Она обнимала собой весь культурный міръ того времени, группировавшійся тѣснымъ кольцомъ вокругъ средиземнаго моря. Границами ея служили: *на югъ* пустынная цѣпь Сахары, въ которой трудно было основать какое-либо прочное поселеніе; *на юго-востокъ* Аравія и Эіопія, не поддававшіяся римскому завоеванію; *на востокъ*—Ефратъ; *на сѣверо-востокъ*—Черное море и Дунай, отдѣлявшіе имперію отъ пустынь Скиѣи и Сарматіи; *на западъ* же Европы она включала въ свои границы, кромѣ Италіи, Галлію, Испанію и Британію.

Но сохраняя свои обширные размѣры, римская имперія еще задолго до эпохи переселенія утратила свое прежнее значеніе и внутреннюю мощь,—и если бы основатель имперіи, Октавій Августъ, какимъ-либо чудомъ былъ перенесенъ въ Римъ конца IV-го вѣка, онъ не призналъ бы въ немъ ни одной черты прежняго, знакомаго ему Рима. Дѣло въ томъ, что имперія IV и V-го вѣка не была уже той имперіей, какая существовала въ вѣкъ Августа и Тиверія; будучи естественнымъ продолженіемъ или перерожденіемъ послѣдней, она являлась крайнимъ ея выводомъ, отрицающимъ по сво-

ему строю тѣ начала и формы государственной жизни, при помощи которыхъ создавалось могущество Рима. Это была имперія монархическая, самодержавная, между тѣмъ какъ ни монархія, ни тѣмъ болѣе самодержавія не знали ни Августъ, ни Тиверій. Римскій императоръ первыхъ двухъ вѣковъ не былъ монархомъ: отдѣльные императоры, какъ напр. тотъ-же Тиверій, — который въ одно и то же время былъ и жестокимъ тираномъ, и великимъ государственнымъ человѣкомъ, — конечно, имѣли рѣшающее значеніе и могли свободно совершать всякія насилія, но это было нарушеніемъ обычнаго порядка. Обыкновенно администрація имперіи распадалась на двѣ части, изъ которыхъ одна принадлежала непосредственно императору, а именно: завѣдываніе провинціями на военномъ положеніи или пограничными, гдѣ они играли роль главы войска и гражданскаго управленія, — а другая часть, завѣдываніе внутренними провинціями, находилась въ рукахъ сената. Римская имперія на первыхъ порахъ была такъ обр. не монархіей, а діархіей. — Не былъ императоръ первыхъ двухъ вѣковъ и самодержцемъ; онъ имѣлъ полномочія совершенно опредѣленныя и получалъ свою власть въ силу особаго закона, *lex regia*, который формально проходилъ чрезъ сенатъ; въ силу этого закона онъ являлся какъ бы выборнымъ главою государства и въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на волю народа. Конечно и здѣсь на практикѣ народъ рѣдко выдвигалъ императора; чаще всего императоръ провозглашался войскомъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ сенатомъ; тѣмъ не менѣе теоретически фактъ избранія безусловно признавался и каждый императоръ основывалъ свое право на томъ, что его избралъ народъ. Какъ опирающаяся на выборномъ началѣ, императорская власть по этому самому не могла сдѣлаться въ теченіи всѣхъ трехъ вѣковъ наследственной; она представляла собой какъ бы чрезвычайную форму диктатуры, возникавшей и умиравшей вмѣстѣ съ отдѣльнымъ монархомъ. Понятно, что императорская власть не удовлетворялась этимъ положеніемъ и такъ какъ существовали на лицо всѣ благопріятныя условія для ея усиленія, то рано или поздно изъ временной диктатуры она должна была обратиться въ постоянное самодержавное правленіе. Это и случилось въ т. н. діоклетіано-константиновскую эпоху.

Діоклетіано-константиновская эпоха была наполнена цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ внутреннихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью связать разрушающееся зданіе римской имперіи и придать ея администраціи единство и законченность, причемъ основнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ направленныхъ на упорядоченіе внѣшняго строя имперіи реформъ служила именно идея абсолютной, неограниченной монархіи. Стремленіе къ абсолютной власти замѣтно уже проглядываетъ у императоровъ III го вѣка; Діоклетіанъ оформливаетъ это стремленіе, а Константинъ Великій проводитъ его съ неуклонною послѣдовательностью во всѣхъ частяхъ администраціи. Съ именемъ этого императора связывается великій переворотъ не только въ исторіи христіанства, но въ государственномъ строѣ Римской имперіи,—рядъ преобразований, изъ которыхъ не малая часть продолжаетъ оставаться въ силѣ и по нынѣ. Но еще любопытнѣе обратить вниманіе на то обстоятельство, что эта преобразовательная дѣятельность перваго христіанскаго императора такъ тѣсно связана съ мѣропріятіями язычника Діоклетіана, что невозможно опредѣлить, гдѣ перестаетъ дѣйствовать одинъ и начинается другой.—На процессъ развитія императорской власти въ римской имперіи діоклетіано-константиновскія реформы отразились въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, власть императора упрочилась, сдѣлалась постоянной и получила характеръ самодержавія. До этихъ реформъ императоръ былъ болѣе полководцемъ, чѣмъ правителемъ имперіи; теперь же онъ становится дѣйствительнымъ политическимъ центромъ, а вмѣстѣ съ этимъ и вся та безусловная власть, которая принадлежала императору какъ полководцу въ войскѣ и на войнѣ, переносится теперь на императора, какъ правителя имперіи. Въ системѣ Константина императоръ царствуетъ по Божественному праву и управляетъ имперіей по своему собственному усмотрѣнію, не давая никому и ни въ чемъ отчета. Его лицо—*священно*; онъ называется величіемъ и вѣчностью; все, что окружаетъ его, проникнуто тѣмъ же священнымъ характеромъ; его комнаты—*sacrum cubiculum*; его сокровища—*sacrae largitiones*. Своимъ подданнымъ онъ является на тронѣ, въ вышитой въ жемчугахъ діадемѣ и въ одеждѣ, украшенной драгоценными камнями. Кто получаетъ доступъ къ нему, тотъ долженъ

падать на колѣни и преклонять свое лицо до земли. Правда, еще въ первомъ вѣкѣ имперіи существовалъ культъ императоровъ, придававшій императорской власти характеръ божественности, но это былъ культъ не личности, а учрежденія, культъ императорскаго генія; на личность же онъ переходитъ по смерти только; тогда императоръ могъ сдѣлаться „divus“, но и то не всегда, а лишь въ такомъ случаѣ, когда его признавали достойнымъ такой чести. Все это измѣняется въ эпоху Константина, и на этомъ измѣненіи между прочимъ сказывается вліяніе новой христіанской религіи. Это вліяніе состояло, конечно, не въ тѣхъ восточныхъ формахъ, какими окружилъ себя императоръ въ имперіи Константина, а въ томъ, что съ христіанской теократической точки зрѣнія императоръ уже не былъ ставленникомъ народа: онъ есть помазанникъ Божій, свѣше предопредѣленный къ тому, чтобы руководить судьбой государства. Въ этомъ отношеніи церковь имѣла политическое значеніе, облегчивъ ускореніе внутренняго процесса; благодаря ей, императорская власть сдѣлалась властью „Божіей милостію“, а не властью „изволеніемъ народа“.—Итакъ, центромъ и главою имперіи IV-го и V-го вѣковъ былъ самодержавный императоръ; его воля есть источникъ всякихъ законовъ и послѣдняя инстанція всякихъ рѣшеній.

Спрашивается теперь: какимъ же образомъ императоръ, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ всю полноту власть, могъ осуществлять эту власть на дѣлѣ? какія были у него средства для проявленія своей воли?

Этотъ вопросъ должны были рѣшать еще императоры первыхъ двухъ вѣковъ имперіи, и они отвѣтили на него созданіемъ особаго служилаго класса, — чиновниковъ, — находящихся въ распоряженіи центральной власти и вполне независимыхъ отъ нея. Образование и исторія этого новаго класса, возникшаго вмѣстѣ съ имперіей, представляетъ собою фактъ всемірно-историческаго значенія, потому что, собственно говоря, это была первая въ исторіи систематическая попытка утвердить *бюрократизмъ*, послѣдовательно провести бюрократическій принципъ, который впоследствии изъ Римской имперіи и былъ перенесенъ въ монархіи новаго времени. Дѣло началось очень скромно. Сначала, если взять императоровъ Юліева и Клавдіева дома, у нихъ не было админни-

стративныхъ средствъ и спеціально-административнаго персонала; и вотъ для созданія этого персонала они оперлись, во первыхъ на свое военное положеніе и на возможность назначать своихъ легатовъ въ нѣкоторыя провинціи, а во вторыхъ, на свое помѣщичье положеніе, — на рабовъ. Центрѣ ихъ администраціи, какъ и у всѣхъ богатыхъ землевладѣльцевъ того времени, состоялъ первоначально изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ; особенно важную роль играли въ этомъ случаѣ послѣдніе т. е. вольноотпущенники, потому что они преимущественно были пригодны для такого дѣла, которое требовало инициативы, самостоятельности, требовало, чтобы человекъ имѣлъ личность; рабъ былъ слишкомъ мертвъ для административныхъ дѣлей и, поэтому, въ канцеляріяхъ Юліева и Клавдіева дома работали по большей части вольноотпущенники, хотя для неважныхъ дѣлъ употреблялись и рабы. Таково было скромное начало; затѣмъ, оно росло вмѣстѣ съ императорскою властью и въ эпоху Діоклетіано—Конст. развилось въ дѣлую бюрократическую систему, такъ что развитіе бюрократизма можетъ считаться для этой эпохи самымъ лучшимъ и характернымъ показателемъ роста императорской власти.

Въ IV-мъ вѣкѣ, въ преобразованіяхъ Діоклетіана и Константина, вопросъ о должностномъ персоналѣ разрѣшенъ былъ окончательно: онъ былъ объединенъ и получилъ свою особую іерархію. На верху этой іерархической лѣстницы стояли пять чиновниковъ, которые окружали особу императора, завѣдовали различными отраслями придворнаго и имперскаго управленія и имѣли до извѣстной степени характеръ современныхъ министровъ. Среди нихъ самымъ приближеннымъ къ государю лицомъ былъ „*praepositus sacrae cubiculi*“ т. е. начальникъ священной опочивальни или оберъ-камергеръ, комендантъ императорскаго двора, на обязанности котораго лежало—пещись объ особѣ императора, сопровождать его въ официальной дѣятельности и въ часы досуга и смотрѣть за разными частями „священнаго“ т. е. придворнаго хозяйства. Должность камергера, очевидно, соответствовала должности эвнуха при восточныхъ дворахъ, и сама по себѣ не имѣла государственнаго значенія; при хорошемъ императорѣ оберъ-камергеръ былъ не болѣе, какъ только почетнымъ слугою, за то при слабыхъ императорахъ, какихъ

потомъ не мало восходило на тронъ Константина, лицо, занимавшее эту должность, приобретало первенствующее значеніе: оно замѣняло собой императора и, прикрываясь его именемъ, могло самостоятельно править имперіей. Гораздо важнѣе въ государственномъ отношеніи была *вторая должность* „magister officiorum“ т. е. начальникъ службъ. Какъ придворный чиновникъ, магистръ службъ былъ инспекторомъ придворнаго штата и его судьей; какъ государственное должностное лицо, онъ являлся посредникомъ между императоромъ и подданными; въ системѣ Константиновской монархіи онъ былъ какъ бы государственнымъ канцлеромъ, совмѣщавшимъ въ себѣ и обязанности министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ завѣдовалъ аудіенціями, принималъ просьбы и апелляціи на имя государя, велъ переписку отъ его лица и пользовался правомъ конгроя въ важнѣйшихъ отрасляхъ управленія и законодательства. — Третье мѣсто въ табели придворныхъ чиновъ занималъ *квесторъ*. Это былъ „восприемникъ мыслей императора и слова его устъ“, какъ опредѣлилъ эту должность Кассіодоръ; говоря проще, квесторъ составлялъ законы и императорскіе указы и резолюціи; сфера его дѣятельности, поэтому, была очень широка, хотя онъ и не имѣлъ своей канцеляріи и долженъ былъ довольствоваться писцами, взятыми на прокатъ изъ другихъ учреждений; точнѣе квестора можно назвать кабинетъ—министромъ или личнымъ секретаремъ императора. — Рядомъ съ квесторомъ стоялъ „comes sacrarum largitionum“—комитъ священнхъ щедротъ“, настоящій министръ финансовъ, вѣдающій полученіе доходовъ, поступленіе ихъ въ казначейство, составляющій раскладку податей и принимающій повудительныя мѣры для собиранія денегъ въ кассу. Подъ его начальствомъ служила масса чиновниковъ, такъ какъ служба въ министерствѣ финансовъ и въ то время считалась самой доходной; одна отчетность составлялась одиннадцатью конторами, между которыми занятія были раздѣлены съ такимъ искусствомъ, что одна изъ нихъ могла повѣрять другую. — Изъ вѣдомства комита священнхъ щедротъ было исключено управленіе помѣстьями, принадлежащими лично императору; ими вѣдалъ пятый придворный чинъ „комитъ частной собственности священнаго двора“ т. е. вѣчто въ родѣ нашего министра удѣловъ: нужно впрочемъ замѣтить, что

это различіе между государственнѣмъ имуществомъ и императорскимъ существовало недолго и скоро уничтожилось, такъ какъ со времени Константина императоры смотрѣли на всю имперію, какъ на свою собственность.

Перечисленныя придворныя должности представляли собою высшій, центральный кругъ въ іерархической лѣстницѣ, установившейся въ римской имперіи IV-го вѣка. Они получали свое назначеніе отъ императора и подъ его исключительнѣмъ контролемъ выполняли свои обязанности; вмѣстѣ съ императоромъ они составляли одно неразрывное цѣлое и дѣйствовали отъ его имени. Дальнѣйшій кругъ чиновныхъ лицъ образовывали собой начальники областного управления; со времени Діоклетіана т. е. съ конца III-го вѣка въ отношеніи къ областному управленію окончательно устанавливается дѣленіе римской имперіи на 4-ре префектуры—восточную, иллирійскую, итальянскую и галльскую, при чемъ каждая префектура распадалась на нѣсколько діоцезовъ. Подъ старымъ, знакомымъ римскому государству именемъ префектовъ Константинъ Великій создалъ совершенно новую гражданскую власть. Первоначально префекты были только главнокомандующими римскихъ войскъ, при слабыхъ же императорахъ II и III-го вѣковъ, державшихся на тронѣ единственно силою войска, префекты приобрѣли неограниченную власть и въ мирныхъ дѣлахъ государства. Діоклетіанъ первый началъ стремиться къ ограниченію власти префектовъ, но только при Константинѣ ихъ значеніе сдѣлалось неопаснымъ для главы имперіи. Константинъ въ своихъ реформахъ систематически провелъ раздѣленіе между гражданской и военной властями, и префекты, лишившись права распоряжаться войскомъ, остались высшими гражданскими чиновниками. Какъ придворные чиновники замѣняли собой особу государя для всей имперіи, такъ префекты были непосредственными представителями императорскаго величія въ подчиненныхъ имъ областяхъ. Они объявляли въ своихъ владѣніяхъ императорскіе законы, толковали ихъ и даже имѣли право усиливать и вообще измѣнять ихъ значеніе сообразно съ потребностями ихъ округа. Они завѣдовали судомъ и финансами, наблюдали за дѣятельностью подчиненныхъ имъ чиновниковъ, принимали жалобы и апелляціи и ихъ рѣшеніе пользовались такимъ авторитетомъ, что сами императоры отка-

зывались отъ принятія жалобъ на ихъ приговоръ. Вслѣдъ за префектами, на слѣдующей ступени служебной лѣстницы, разсматривая ее въ нисходящемъ порядкѣ, стояли начальники діоцезовъ,—викаріи или намѣстники префектовъ; для своихъ діоцезовъ они были тѣмъ же, что префекты для округовъ, и стояли отъ послѣднихъ въ прямой зависимости; въ своемъ подчиненіи они имѣли правителей провинцій, на которыя распадался ихъ діоцезъ. Провинція и была основнымъ элементомъ или простой единицей областного управленія. Правители провинцій носили различныя названія и главною обязанностью имѣли отправленія правосудія, почему иногда ихъ просто обозначали, какъ областныхъ судей; юрисдикція ихъ была обставлена опредѣленными и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытными ограниченіями; они могли подвергать виновнаго смертной казни, но лишены были права смягчать приговоръ, замѣнять одно наказаніе другимъ и налагать крупные денежные штрафы; это было прерогативой префекта. Догадываются, что это странное ограниченіе имѣло цѣлю предостеречь отъ подкупы и взяточничества, искушенію котораго могъ подпасть скорѣе мелкій, чѣмъ крупный чиновникъ. Въ тѣхъ же видахъ безкорыстія запрещалось назначать губернаторовъ въ тѣ провинціи, откуда они были родомъ или гдѣ имѣли много родственниковъ; послѣ назначенія они также не могли вступить въ родственныя связи съ подчиненнымъ населеніемъ и смѣщались обыкновенно чрезъ 4—5 лѣтъ; что же касается до префектовъ, то ихъ смѣняли ежегодно.

Вотъ въ основныхъ чертахъ строй центральной и областной администраціи въ Діоклетіано-Константиновской имперіи. Если мы теперь сравнимъ эту реформированную имперію съ имперіей I-го и II-го вѣковъ, а тѣмъ болѣе съ римской республикой, то прежде всего наше вниманіе должно обратить на себя упомянутое уже мной раздѣленіе между военной и гражданской властями. Римскія республиканскія должности были тѣснымъ образомъ связаны съ командованіемъ, съ арміей; если спросить, кто былъ консуль, проконсуль или преторъ, то придется сказать, что во всякомъ случаѣ они были военными должностями, съ которыми соединялась извѣстная доля власти въ мирныхъ дѣлахъ. Въ IV-же вѣкѣ это смѣшеніе гражданскихъ и военныхъ обязанностей въ одномъ

лицѣ прекращается, и функціи власти раздѣлились: съ одной стороны стали гражданскіе чиновники, съ другой военачальники, военные „*comites*“ и „*duces*“, получавшіе гражданское управленіе только въ рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ провинціяхъ, находящихся въ осадномъ положеніи. Так. обр., получилась специализація обязанностей, въ результатѣ чего вся администрація стала болѣе совершенной въ техническомъ отношеніи; но здѣсь была и одна очень невыгодная сторона. Если прежній военный командиръ, которому принадлежало гражданское вѣдѣніе, не всегда зналъ хорошо судебные порядки и законы, за то его нельзя было обвинить въ излишней формальности, въ подчиненіи дѣла—бумажному производству; теперь же, въ исторіи IV-го вѣка, канцелярски бумажное дѣлопроизводство развивается съ необыкновенной быстротой, а вмѣстѣ растетъ и число чиновниковъ, организующихся въ т. н. *Scholae*. Основное начало, котораго держалась римская администрація, состояло въ томъ, чтобы не позволять чиновникамъ исключительно сосредоточиваться на канцелярской дѣятельности, а передвигать ихъ съ одной должности на другую; и это выражалось тѣмъ, что должностное лицо служило въ канцеляріи годъ, а затѣмъ отправлялось въ командировку; чрезъ годъ эта командировка кончалась, и чиновникъ возвращался обратно; так. обр. чередованіе между канцелярскою и практически-административною дѣятельностью—вотъ что вводилось въ противобѣсъ слишкомъ сильно развивавшемуся бумаговѣдѣнію. Но и этотъ порядокъ имѣлъ очень существенный недостатокъ, потому что отрывалъ людей отъ постояннаго круга ихъ обязанностей, и слѣдствіемъ его было равнодушіе къ тѣсной связи между человекомъ, занимавшимъ должность, и ея задачами, равнодушіе къ тому, на одной-ли должности находится или на другой,—черта, глубоко сказавшаяся въ чиновничьемъ быту.

Наши представленія объ административномъ строѣ римской имперіи IV-го вѣка были бы, однако, не полны, если бы мы не ознакомились съ той строгой субординаціей, какая была послѣдовательно проведена въ чиновническомъ мірѣ этой имперіи и какая обрацала этотъ міръ въ стройную іерархическую лѣстницу. Имперія Діоклетіана и Константина представляла собой какъ бы пирамиду власти и должностей; во

главѣ этой пирамиды стоялъ императоръ, его окружали придворные чины, затѣмъ слѣдовали префекты, начальники діоцезовъ, правители провинцій и т. д.; каждой должности, каждому чину здѣсь отведено было опредѣленное мѣсто, находившееся въ гармоніи съ цѣлымъ и державшее каждого чиновника въ предѣлахъ указанной ему власти. Эта градация должностей скрѣплялась системой чиновъ, впервые введенныхъ въ имперіи Діоклетіана и Константина и усвоенной отсюда новѣйшими государствами. Всѣ служившіе въ государствахъ лица раздѣлены были Константиномъ на четыре разряда. Къ первому принадлежали лица, приближенные къ трону, члены и свойственники императорской фамиліи; они назывались *nobilissimi* т. е. знатнѣйшими. Слѣдующій за нимъ классъ „*illustres*—знаменитыхъ“ обнималъ собой высшихъ чиновниковъ имперіи—префектовъ, военачальниковъ и придворные чины. Это были важныя особы, прадѣды теперешнихъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, къ которымъ лица низшихъ разрядовъ относились съ подобающей покорностью и уваженіемъ. Два послѣднихъ разряда носили имя *spectabiles* и *clarissimi*—достопочтенные и просто почтенные—титулы, которые давались правителямъ провинцій, заканчивавшимъ собою іерархическую лѣстницу. Кромѣ того, Константиномъ Великимъ были введены еще два разряда, стоявшіе внѣ первыхъ четырехъ: *perfectissimi* т. е. особы превосходительныя,—чинъ, принадлежавшій по большей части чиновникамъ министерства финансовъ;—и *egregii* т. е. высокородные, каковымъ титуломъ украшало себя множество лицъ, имѣвшихъ основаніе считать себя не принадлежащими къ толпѣ, какъ: дворцовые секретари, всѣ служащіе по управленію провинціями, адвокаты, священники и пр. Каждому изъ указанныхъ разрядовъ усвоена была опредѣленная формула, съ которою низшіе чины должны были обращаться къ лицамъ, стоящимъ выше ихъ въ служебной лѣстницѣ. Этихъ формулъ съ теченіемъ времени развилось чрезвычайное множество и, такъ какъ они представляли собой искусственное изобрѣтеніе, то ихъ почти невозможно передать на русскій языкъ. Одинъ историкъ остроумно замѣчаетъ, что самъ Цицеронъ едва-ли бы былъ въ состояніи понять ихъ, хотя они и выражались латинскими словами. Впрочемъ, болѣе употребительныя изъ этихъ формулъ не далеко отступали отъ со-

временныхъ; такъ, въ имперіи IV-го вѣка мы встрѣчаемъ такіе эпитеты, какъ: „ваше чистосердечіе“, „ваше степенство, ваше высокое и удивительное величіе, ваше знаменитое и великолѣпное высочество“ и т. п. Въ дополненіе этой картины государственнаго строя имперіи должно еще замѣтить, что каждому должному лицу усвоена была опредѣленная эмблема, указывающая на его спеціальность, какъ, напр., изображеніе колесницы, книги указовъ, знаменъ войска и т. п., изъ которыхъ въ послѣдствіи и развились наши формы. Все это вмѣстѣ,—чины, титулы и эмблемы,—придавали чиновничеству тѣсную сплоченность и самое государство превращало изъ военной имперіи, какою оно было въ I-мъ и во II-мъ вѣкахъ, въ имперію бюрократическую. Благодаря строгой субординаціи, чиновничество въ ней составило особое сословіе, которое мало по малу начало смотрѣть на себя съ чувствомъ обособленности интересовъ, считать себя корпораціей, до такой степени довлѣющей самой себѣ, что жизненные отношенія къ остальнымъ частямъ населенія стали подрываться: возникъ своеобразный антагонизмъ, борьба между чиновниками и населеніемъ: чиновники стараются изловить населеніе, а оно—ускользнуть отъ нихъ. Все это подтверждается цѣлымъ рядомъ указовъ, и въ этомъ отношеніи особенно важнымъ является кодексъ Феодосія, дающій массу матеріала: огромное количество рескриптовъ, предписаній и законовъ, регулировавшихъ административную машину, показываетъ, что при всемъ своемъ техническомъ совершенствѣ она встала въ слишкомъ формальное, и потому и враждебное отношеніе къ обществу, какъ цѣлому: есть даже одинъ эдиктъ начала IV-го вѣка, въ которомъ съ какою то мечтательностью идетъ рѣчь объ „innocens rusticitas“ (о неповинномъ хозяйствѣ), поѣдаемомъ чиновниками. Отсюда видно, что императоры хорошо замѣчали недостатки существующаго порядка, но не были въ состояніи справиться съ ними своими силами.

Христіанскій писатель IV-го вѣка Лактанцій, характеризуя порядки современной ему римской имперіи говоритъ, что число должностныхъ лицъ въ ней увеличилось до такой степени, что стало больше людей получающихъ, чѣмъ дающихъ. Это очень мѣткое замѣчаніе, и указываемый въ немъ прискорбный фактъ объясняется не только тѣмъ, что

римская бюрократія, какъ и всякая историческая сила, стремится къ саморазвитію и дѣйствительно развивается до крайнихъ предѣловъ возможнаго; онъ объясняется еще тѣмъ труднымъ положеніемъ, въ какомъ очутился римскій міръ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ; борьба съ варварскими племенами на важнѣйшихъ границахъ и необходимость отстаивать самую жизнь государства оказывали тягостное вліяніе на внутренній строй жизни; поневолѣ приходилось вооружаться съ ногъ до головы, поневолѣ приходилось свободу, благосостояніе и возможность индивидуальнаго счастья приносить въ жертву порядку и дисциплинѣ. Собственно говоря, развитіе чиновничества съ его казеннымъ формализмомъ и прочими недостатками было зломъ очень небольшимъ; въ общемъ новый строй имперіи, выработавшійся въ IV и V вв., принесъ еѣ пользу; онъ связывалъ въ одно цѣлое начавшія расплзаться въ разныя стороны части имперій и придавалъ ей стройность. Если имѣть въ виду только внѣшнюю сторону римской имперіи въ IV-мъ вѣкѣ, одну,—такъ сказать,—ея поверхность, то можно подумать, что еще никогда имперія не достигала такой выработанности и законченности въ своихъ порядкахъ, какъ въ это время; здѣсь все, повидимому, размѣщено по опредѣленнымъ мѣстамъ, каждое явленіе подведено подъ извѣстный законъ и параграфы; каждое событіе заранѣе урегулировано нарочитыми постановленіями. Но вотъ проходитъ только полстолѣтія послѣ эпохи Константина Великаго, и оказывается, что эта обширная и могущественная имперія не была въ состояніи дать отпоръ кучкамъ варваровъ, ворвавшихся въ ея предѣлы и избороздившихъ ее по всѣмъ направленіямъ. Чѣмъ же должно объяснять это странное явленіе?—Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно отъ административнаго строя имперіи обратиться къ самому обществу, къ населенію, управляемому этимъ строемъ и разсмотрѣть его состояніе,—т. е. отъ поверхности имперіи перейти къ тѣмъ внутреннимъ пружинамъ, которые заправляли его жизнію.—Всякое государство существуетъ только потому, что общество отдѣляетъ въ его пользу извѣстную часть своего дохода и даже своего существованія; подати и войско—вотъ двѣ главныя формы повинностей, въ которыхъ общество приходитъ на пользу государству: въ войскѣ общество отдаетъ

государству часть своихъ членовъ,—такъ сказать,—часть своей жизни, въ податяхъ—часть своихъ доходовъ. Было-ли общество IV-го вѣка настолько состоятельно въ своихъ силахъ, чтобы оно могло оказать достаточную поддержку государству? Отвѣтивъ на это, мы разгадаемъ тѣ причины, которыя привели великую имперію къ паденію.

Прежде всего обратимся къ тому, какъ сложилась армія въ римской имперіи. Въ реформахъ, какими ознаменовалось царствованіе Діоклетіана и Константина, армія осталась почти совсѣмъ въ сторонѣ; были произведены только нѣкоторыя несущественныя измѣненія въ военномъ управленіи, но въ общемъ армія жила своею жизнью, и ея развитіе совершалось безъ вторженія сторонней силы. Въ IV-мъ вѣкѣ она представляла собой совершенно особый, отмежеванный отъ другихъ частей населенія классъ; она состоитъ изъ людей, которые оторваны отъ мирныхъ занятій по крайней мѣрѣ на 20-ть лѣтъ, а потому и не мудрено что даже послѣ выслуги срока, ветеранъ переходя на пенсію,—на тотъ земельный надѣлъ, который давала ему имперія въ обезпеченіи его старости,—оставаяся въ душѣ военнымъ человѣкомъ; классъ ветерановъ, дѣйствительно, и оставался обособленнымъ, и дѣти ихъ преимущественно поступали на военную службу, такъ что появилась извѣстная наслѣдственность въ выборѣ занятій. Так. обр. армія отчасти пополняла сама самое,—но понятно, что этого пополненія было недостаточно при тѣхъ постоянныхъ войнахъ, какія пришлось вести римской имперіи въ послѣдніе вѣка своей исторіи. И вотъ,—чтобы пополнить войско людьми сильными и выносливыми, императоры очень рано стали обращаться за помощью къ самимъ же врагамъ,—варварамъ и ихъ нанимать къ себѣ на службу. Вслѣдствіе этого римскій солдатъ IV-го и V-го вѣковъ уже не былъ патриотомъ въ смыслѣ прежняго римскаго патриота; это по большей части былъ человѣкъ, который и говорить-то по латыни порядочно не умѣлъ,—человѣкъ посторонній. Так. обр. жизненная связь между военной силой и обществомъ, выражающаяся въ томъ, что военная сила является самой патриотической частью общества,—эта связь порвалась, и осталась чисто механическая, внѣшняя: набирали рекрутъ, ставили въ полки, подвергали строжайшей дисциплинѣ и получали войско, которое исполняло

всѣ формальныя обязанности, но уже не было представителемъ народа. Поэтому-то, и не могло быть никакого сравненія между старой римской республиканской арміей, которая побѣждала потому, что была представительницей народа, и между безжизненной, наемной или насильственной организаціей позднѣйшаго времени.

Численность римскаго войска была громадна; оно состояло изъ 188 легионовъ, 108 когортъ или отдѣльныхъ баталіоновъ, 91-го кавалерійскаго отряда и, кромѣ того, изъ несмѣтнаго числа вспомогательныхъ колоннъ, организовавшихся уже не на римскихъ началахъ, а на варварскихъ—по родамъ, племенамъ, сотнямъ и тысячамъ. Списковъ съ цифровыми данными до насъ дошло много, и хотя съ одной стороны можно предполагать, что число регулярныхъ войскъ было въ этихъ спискахъ выше дѣйствительности, но съ другой этотъ недостатокъ пополнялся иррегулярными войсками, военными поселеніями, которыя несли такую же службу, какъ напр. наши казаки. Принимая это въ соображеніе, можно сказать, что Римская имперія держала подъ оружіемъ около милліона, девятьсотъ пятидесяти тысячъ, кромѣ гвардіи, служившей специально для охраны императорской особы. Войско было громадное; добавимъ къ нему еще стольже громадную армію чиновниковъ, которыхъ общество тоже содержало на свой счетъ, и спросимъ, какія бы же должны быть у него средства для содержанія обѣихъ этихъ армій? Это отсылаетъ насъ къ разсмотрѣнію финансовой системы римской имперіи.

Римская финансовая система гораздо лучше извѣстна относительно доходовъ, чѣмъ относительно расходовъ; впрочемъ, расходы понятны сами собой; самый крупный расходъ шелъ на войско, затѣмъ, на чиновниковъ, потомъ на церковь; расходъ на церковь былъ до извѣстной степени единовременнымъ; только въ теченіи двухъ столѣтій пришлось дѣлать очень крупныя затраты послѣ того, какъ христіанская религія сдѣлалась официальной и необходимо было обезпечить церковно-служителей земельными надѣлами и крупными помѣстьями. Далѣе идетъ расходъ, о которомъ въ настоящее время мы не имѣемъ никакого понятія, расходъ на продовольствіе столицъ и центральныхъ провинцій, которыя разучились сами себя кормить и требовали подвоза извнѣ; даже расходы на дворъ и тѣ падали на общій го-

сударственный бюджетъ, потому что императоры, хотя и обладали огромными имѣніями, но часто тратили свыше своихъ средствъ. Вообще система расходовъ велась крайне безпорядочно; фондъ, предназначенный для одного дѣла, тратился въ случаѣ необходимости на другое; такъ еще при Домиціанѣ фондъ на водопроводы употребили на войска и водопроводы послѣ этого пришли въ упадокъ.—Система доходовъ имѣла болѣе опредѣленный характеръ и слагалась слѣдующимъ образомъ. Римская имперія уже знала монополию извѣстныхъ частей производства въ пользу государства и главной ея монополіей была торговля солью. Такъ какъ торговать солью нигдѣ не смѣли кромѣ правительственныхъ складовъ, то и цѣны были совершенно произвольны и не пропорціональны дѣйствительной стоимости; въ мѣстахъ, гдѣ соль должна была бы стоить ничтожную сумму, ее продавали очень дорого. Еще болѣе неудобнымъ являлся другой подобнаго же рода доходъ—отъ чеканки монеты; въ этомъ отношеніи римская имперія вступила на опасный путь, перчеканивая и ухудшая монету и подрывая этимъ экономическое благосостояніе жителей; для доставленія большого дохода казнѣ издавались эдикты, чтобы подати платили старой монетой, а жалованіе получали новой болѣе легковѣсной, чтобы въ сдѣлкахъ съ казначействомъ принимали въ уплату также новую монету и т. д. Какого сильнаго развитія достигла въ римской имперіи эксплуатація монетнаго дѣла, объ этомъ можно судить по тому, что образовался многочисленный крѣпостной классъ монетчиковъ, поставленный въ очень тяжелыя условія. Классъ этотъ былъ совершенно замкнутымъ; человекъ, родившійся въ немъ, не могъ уже выйти изъ него; его учили въ казенномъ училищѣ и заставляли заниматься монетнымъ дѣломъ. Надо сказать, впрочемъ, что не смотря на всѣ строгости, монетчики все-таки ухитрялись надувать казну и между ними и чиновниками происходили постоянныя препирательства; при Авреліанѣ дѣло дошло даже до вооруженнаго бунта монетчиковъ, въ которомъ погибло до семи тысячъ человекъ.—Затѣмъ, дальнѣйшей формой доходовъ были пошлины съ торговли внѣшней и внутренней; послѣднія возникли вслѣдствіе того, что римская территория искусственно была раздѣлена на нѣсколько частей, при провозѣ чрезъ которыя товаровъ требовалась осо-

бая пошлина; такъ, чтобы привести товаръ изъ Египта въ Галлію, надо было уплатить извѣстный взносъ въ казну.— Перечисленные сейчасъ формы доходовъ составляли собой косвенное обложеніе, прямымъ же и главнымъ источникомъ дохода служила подать земельная, *tributum soli*. Эта подать налагалась на ежегодный доходъ и даже на имущество, хотя опредѣлялась площадью земельного надѣла. Для того, чтобы легче было ее собирать, разъ въ 15 ть лѣтъ производилась по всей имперіи точная разцѣнка владѣній и хозяйствъ (*indictio*), при чемъ записывалось число оливковыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ, скотъ, инвентарь и пр. Если обратить вниманіе на этотъ способъ обложенія, то вполнѣ становится понятнымъ, что императоры изъ финансовыхъ соображеній принуждены были стараться о томъ, чтобы сельское хозяйство оставалось въ томъ-же видѣ, какъ оно было записано; сельское хозяйство, подвергавшееся быстрымъ перемѣнамъ, представляло бы огромныя неудобства для правильнаго взиманія этой подати. Т. о. получалось странное явленіе: не подать слѣдуетъ за хозяйствомъ, а хозяйство за податью.—Хозяйство, оказалось, т. обр., закрѣпощеннымъ и лишилось возможности прогрессировать. Потомъ, слѣдующими источниками дохода являются налоги личные, гильдейскіе, пошлины съ цѣховыхъ работниковъ и, наконецъ, *capitatio plebeica*, падавшая на рабочій людъ, при чемъ имперія устраивала искусственную податную единицу, считала не головы, потому что несправедливо было бы брать поголовно со всѣхъ,—съ ребенка столько же, сколько со взрослого, а устанавливала искусственную душу подобно тому, какъ у насъ существовала нѣкогда ревизская душа. Эта искусственная единица, съ которой брали налогъ, состояла изъ мушины и двухъ женщинъ на первыхъ порахъ, а затѣмъ изъ 2-хъ мужчинъ и 4-хъ женщинъ.

Вотъ—тѣ источники, при помощи которыхъ въ римскую казну стекались средства, необходимыя для содержанія имперіи. Мы видимъ, что они были весьма многочисленны и разнообразны, но къ IV-му и V-му вѣку съ ними случилась странная исторія: *они изсякли* и перестали давать въ должномъ количествѣ нужное государству питаніе. Это произошло вслѣдствіе крайняго разстройства экономическихъ силъ общества и полнаго паденія земельного хозяйства. Го-

сударство было готово всегда собирать подати, и чиновники прибѣгали ко всевозможнымъ мѣрамъ, чтобы выбить ихъ изъ населенія, но послѣднее оказалось уже не въ силахъ платить ихъ. Вотъ какую картину рисуетъ Лактанцій во время *indictio*: „площади полны; каждый явился съ дѣтьми и рабами; слышатся удары; вѣшаютъ дѣтей, чтобы вынудить ихъ признаніе противъ отца; мучаютъ вѣрныхъ рабовъ противъ господъ, женъ—противъ мужей. Если это не помогло, подвергаютъ пыткамъ самихъ противъ себя и на счетъ несчастныхъ, не вынесшихъ страданій, записываютъ то, чего они не имѣютъ“. Конечно, въ этихъ словахъ есть риторическое преувеличеніе; Лактанцій писалъ противъ гонителей христіанства и слишкомъ мрачно смотрѣлъ на имперскіе порядки, но для насъ и не важно, видѣлъ-ли онъ дѣйствительно то, что описываетъ, а важно общее впечатлѣніе, свидѣтельствующее о томъ фактѣ, что для сбора податей пускали въ ходъ пытку, что подати положительно вымучивали. И это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того положенія, въ какое поставили римскую имперію съ одной стороны развитіе въ ней арміи и чиновничества, съ другой—объединеніе населенія.

Если смотрѣть на населеніе римской имперіи съ этой экономической точки зрѣнія, то должно будетъ его раздѣлить на три класса: на крупныхъ землевладѣльцовъ—аристократовъ, обладавшихъ большими помѣстьями, т. н. латифундіями; на среднее сословіе—купцовъ и горожанъ и на низшее—мелкихъ землевладѣльцевъ—поселянъ. Крупное землевладѣніе было весьма важнымъ факторомъ въ общественномъ строѣ тогдашняго времени; оно давало огромные доходы; потому что хозяйство въ немъ велось при помощи дароваго труда т. е. рабовъ. Каждый крупный землевладѣлецъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крупнымъ рабовладѣльцемъ. Когда римская имперія расширяла свои границы, это крупное землевладѣніе, освобождавшееся постепенно отъ грабежей и стѣсненій и имѣвшее постоянно новый притокъ рабочихъ рукъ въ покоренныхъ варварахъ, достигло чрезвычайнаго процвѣтанія. Съ окончаніемъ же роста имперіи въ странахъ, вошедшихъ въ ея составъ, быстро и естественно совершился экономическій переворотъ. Благодаря появленію общей власти, торговля и движеніе товаровъ стало воз-

можнымъ по всему цивилизованному міру и въ силу этого быстрого обмѣна отдѣльныхъ части имперіи начали дѣйствовать преимущественно въ какой-либо специальной отрасли промышленности. Такъ, западная Африка, Египетъ, Сицилія и южная Испанія производили главнымъ образомъ хлѣбъ и считались житницами имперіи; наоборотъ, сѣверныя и восточныя провинціи, галльскія и азіатскія, доставляли въ хозяйственный оборотъ имперіи предметы обрабатывающей промышленности,—ткани, гончарныя издѣлія, оружіе, металлическія вещи и пр. Центральныя же провинціи,—тѣ провинціи, которыя дали этому міру права, имя, образованность т. е. Италія и Греція, пришли въ полный упадокъ, ослабли и опустѣли: они могли жить только притокомъ хозяйственныхъ силъ съ окраинъ имперіи. Пока существовалъ свободный обмѣнъ между частями имперіи, это не представляло еще собой бѣды, но когда въ римской имперіи начался періодъ попятнаго движенія и ея пограничныя провинціи стали чаще и чаще терпѣть набѣги отъ сосѣднихъ варваровъ, этотъ обмѣнъ долженъ былъ прекратиться и торговля—пасть. Вотъ это-то обстоятельство и рѣшило собой участь крупнаго землевладѣнія, сдѣлавъ его невозможнымъ; для своего процвѣтанія оно требовало обширнаго рынка, но этого рынка не стало, и оно должно было перейти къ системѣ долгосрочной и даже вѣчной аренды. Появляется множество мелкихъ арендаторовъ изъ вольноотпущенниковъ и людей свободныхъ. Крупныя землевладѣльцы теряютъ подъ собой почву, выпускаютъ изъ рукъ хозяйство, и дробятъ его на мелкіе уголки, переданные на извѣстныхъ условіяхъ въ распоряженіе другихъ людей. Значить, крупное землевладѣніе и хозяйство не могло уже служить экономической опорой имперіи: оно само едва держалось и быстро исчезало.

Если мы отъ крупныхъ землевладѣльцевъ перейдемъ къ среднему классу—городскому и торговому люду, то найдемъ, что положеніе ихъ было еще хуже положенія земельныхъ аристократовъ. Въ началѣ римскихъ завоеваній положеніе городовъ было весьма различно, но въ послѣднія времена римской имперіи мѣстныя различія сгладились и съ IV-го вѣка ихъ муниципальное устройство за малыми исключеніями сдѣлалось одинаковымъ. Каждый городъ для своего внутренняго управленія имѣлъ свою муниципальную коллегію,

число членовъ которой измѣнялась по городамъ, но обыкновенно было сто. Эта коллегія, величавшая себя иногда сенатомъ, носила общее имя куріи, а члены ея назывались декуріонами или просто куріалами. Во времена римской республики званіе куріала считалось очень почетнымъ; избраніе на нѣкоторыя изъ курульныхъ должностей составляло цѣлое событіе въ жизни города и праздновалось всѣми гражданами играми въ циркѣ или пиромъ на счетъ избраннаго. Но когда, съ развитіемъ централизаціи, муниципальная власть пошла въ полную зависимость отъ императорскихъ чиновниковъ, то обязанности куріаловъ сдѣлались не совсѣмъ пріятными, и они всѣми мѣрами начинаютъ избѣгать куріи. Причина этого заключалась въ томъ положеніи, какое заняла курія въ отношеніи къ способу взиманія податей, установившемуся въ имперіи съ IV-го вѣка и состоявшему въ слѣдующемъ. Каждая провинція обязывалась внести въ императорскую казну опредѣленную сумму денегъ: эта сумма начальникомъ провинціи раскладывалась на города и территоріи, а принципалы куріи производили эту раскладку далѣе, по отдѣльнымъ владѣльцамъ. Курія оказалась, такимъ образомъ, посредницей въ дѣлѣ взиманія податей между центральной властью и плательщиками, при чемъ куріалы обязывались не только собрать налоги, но и ручались за ихъ полноту своимъ имуществомъ. При возрастаніи налоговъ и обѣднѣніи населенія куріалы чаще и чаще вынуждены были прибѣгать къ своимъ собственнымъ кошелькамъ, чтобы покрыть недоимки и представить полную сумму налоговъ, т. е. раззоряться на счетъ несостоятельныхъ плательщиковъ. Вотъ почему во времена имперіи каждый гражданинъ старался подальше бѣжать отъ курульныхъ почестей. Скоро правительство должно было всѣми мѣрами охранять выходъ изъ куріи; оно издало множество эдиктовъ, запрещавшихъ переходъ куріаловъ въ другія должности. Къ концу имперіи положеніе куріала сдѣлалось невыносимымъ. Законъ всячески старался прикрѣпить его къ курульному креслу и надо сказать, — былъ въ этомъ отношеніи безпощаденъ. Куріаль могъ избавиться отъ своей должности не иначе, какъ оставивъ все свое имущество куріи и подыскавъ другаго, желающаго занять его мѣсто; онъ не могъ продать своего имѣнія, дѣлавшаго его куріаломъ, потому что

законъ запрещалъ ему это; онъ не могъ надѣяться на освобожденіи отъ куріи своего семейства и послѣ своей смерти, ибо званіе его было наследственно; онъ не могъ оставаться и бездѣтнымъ, ибо въ такомъ случаѣ лишался $\frac{3}{4}$ своего имущества. И вотъ,—чтобы избавиться отъ этого невыносимаго положенія, куріалы бросали имущество и бѣжали въ лѣса или къ варварамъ. Такъ, 388-мъ году куріалы 4-хъ городовъ Мизіи разбѣжались всѣ разомъ; есть извѣстія, что въ Галліи они составляли шайки, жившія грабежомъ. Чтобы пополнить курію, императорскіе эдикты приказывали записывать въ куріалы: а) лицъ, рожденныхъ отъ союза свободной гражданки съ рабомъ; б) клириковъ, признанныхъ недостойными со стороны епископовъ; в) лицъ, приговоренныхъ судомъ къ безчестію и т. д. Вотъ что случилось съ городскимъ сословіемъ въ IV и V вв.—Не лучше дѣло обстояло и съ торговымъ людомъ; законъ беретъ купцовъ подъ опеку точно также, какъ и куріаловъ, и обращаетъ торговлю въ повинность. Императорскія постановленія организуютъ торговыя корпораціи, какъ служебное тягло, записываютъ въ нихъ членовъ и обяываютъ непремѣнно заниматься торговлей, вводятъ наследственность, создавая т. о. изъ торговцевъ особую касту, и вообще обставляютъ торговое дѣло массой точныхъ и мелочныхъ предписаній. „Императоры приказали, чтобы была дешевизна“,—такъ начинается эдиктъ 302 г., и затѣмъ устанавливаются цѣны на товары и отступленіе отъ нихъ преслѣдуется, какъ уголовное преступленіе. Этотъ эдиктъ очень характеренъ: когда живой силы уже не хватаетъ, когда отдѣльныя части имперіи уже не могутъ обмѣниваться и продукты вслѣдствіе этого дорожаютъ,—является правительство и приказываетъ, чтобы настала дешевизна!

Кромѣ городского населенія въ римскомъ государствѣ старыхъ временъ былъ обширный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, составлявшихъ сельское населеніе и пользовавшихся свободой. Исторія этого класса недостаточно ясна, но его положеніе въ послѣдніе времена имперіи обрисовано въ источникахъ со всею ясностью. Здѣсь бросается въ глаза тотъ фактъ, что съ конца IV вѣка въ областяхъ западной половины имперіи этотъ классъ мелкихъ собственниковъ совсѣмъ исчезъ, и его мѣсто въ общественномъ составѣ заняли т. наз. колонны. Колонны—это люди, не имѣвшіе соб-

ственнойнаго земельнаго участка, но селившіеся на чужой землѣ съ обязательствомъ обрабатывать ее и платить за это опредѣленные подати. Въ первоначальномъ смыслѣ колонъ—это арендаторъ, связывавшій себя съ помѣщикомъ свободнымъ договоромъ. Но съ теченіемъ времени свобода договора была утрачена колонами; законодательствомъ IV вѣка колоны были прикрѣплены къ землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому господину, который владѣлъ землей. Колоны къ концу имперіи—это крѣпостные люди позднѣйшихъ временъ, такъ что позднѣйшее крѣпостное право есть простое наслѣдіе законодательства о колонахъ. Въ сущности положеніе колона мало чѣмъ отличалось отъ положенія раба; онъ не могъ занимать никакой должности, ни оставлять своего поля; въ случаѣ побѣга, его ловили, какъ бѣглаго раба, и наказывали жестоко. Само законодательство вводило его въ счетъ наравнѣ съ рабочимъ скотомъ и плодовыми деревьями, а недостатокъ рабочихъ силъ часто заставлялъ богатыхъ землевладѣльцевъ зачислять въ колоны своихъ рабовъ. Чтобы избавиться отъ гнетущаго положенія, колоны слѣдовали за куріалами въ лѣса и къ варварамъ, и цѣлыя пространства земли на западѣ оставались невоздѣланными. Не приводя лишнихъ примѣровъ, достаточно сослаться на тотъ фактъ, что къ началу V вѣка въ счастливой Кампаніи, лучшей провинціи имперіи, было болѣе полумилліона неразработанной земли.

Таково было состояніе римской имперіи къ тому времени, когда она готовилась встрѣтить послѣдній натискъ варваровъ. Въ ней была масса должностныхъ людей, были громадныя своды законовъ и всевозможныхъ предписаній, но не было живыхъ силъ, не было средствъ, чтобы поддержать свое существованіе. Обширная имперія истощила самое себя, и она пала, какъ падаетъ всякій организмъ, которому отказались служить его собственныя силы. Вотъ почему западная римская имперія почти безъ труда досталась варварамъ, и ея паденіе совершилось незамѣтно, безъ всякаго шума: это было не паденіе, а медленное разложеніе и умираніе.

А. Спасскій.